

БОГАТОЕ НАСЛЕДИЕ. РЕЦЕНЗИЯ НА ЮБИЛЕЙНЫЙ СБОРНИК «СЕРГЕЙ ЛЕОНИДОВИЧ РУБИНШТЕЙН: ОЧЕРКИ, ВОСПОМИНАНИЯ, МАТЕРИАЛЫ» (М., 1989)

Я. Л. Коломинский

Лучшим памятником ученому (каждому, чей «строительный» материал – слово) служат его собственные печатные труды. Однако особый личностный, этический и исторический смысл имеют монументы, воздвигнутые современниками и потомками. О таком своеобразном мемориале выдающемуся советскому психологу и философу Сергею Леонидовичу Рубинштейну позаботились его ученики и бывшие сотрудники, подготовившие и издавшие специальный сборник в честь столетия со дня его рождения (Рубинштейн, 1989).

Сборник уже композиционно заметно отличается от аналогичных изданий. Наряду с теоретическими статьями, освещающими наиболее существенные, узловые проблемы научного наследия С. Л. Рубинштейна, и воспоминаниями ряда психологов, имевших личные контакты с ним, значительную часть книги составляют интересные материалы, принадлежащие перу самого юбиляра. Речь идет о малоизвестных статьях и не публиковавшихся ранее автобиографических заметках, фрагментах дневниковых записей, а также о более или менее пространных его высказываниях по отдельным философским доктринам, эстетике и этике.

Перед нами предстает впечатляющий облик прогрессивного человека, мыслителя-гуманиста, который еще в юности раздумывал над коренными вопросами бытия, смысла человеческой жизни, которого волновали проблемы мировоззрения, понимания свободы, достижения подлинно человеческих идеалов.

И что любопытно: автор многочисленных фундаментальных трудов по психологии, опубликованных в нашей стране и за рубежом, причислял себя к философам, то есть людям, осмысливающим общие и глубинные проблемы человеческого существования. В психологии он видел возможность конкретизировать именно ряд философских проблем сущности человека. Об этом весьма примечательно свидетельствует признание самого Рубинштейна, раскрывающее один

из мотивов выбора психологии в качестве профессиональной деятельности. «Читаю курс по философским основам математики и особенно по теории относительности. С этим связаны первые идеологические мои конфликты. Теорию относительности признают ересью, идеализмом. Их борьба с истиной во имя узкой любви к догматизму приводит меня к представлению о невозможности заниматься официально философией в таких условиях. Я не уступаю, но отстаю – отхожу от преподавания философии и перехожу к психологии <...> рассчитываю на то, что психология окажется наукой, что здесь скорее можно будет сохранить научную самостоятельность» (там же, с. 417).

Однако и занятия психологией в условиях тоталитарного уклада общественной жизни, сковывавшего творческое мышление, также были затруднены. Мятежный дух ученого привел к новым, не менее острым конфликтам, о которых с горечью пишет сам Рубинштейн (там же, с. 417, 419, 421 и другие). Этой стороне его судьбы в сборнике уделяется мало внимания. Лишь мимолетно упоминают о сложностях стоявших близко к нему люди, за исключением «стороннего психолога» (с. 325–327).

Основное ядро сборника составляют две большие теоретические статьи ближайших учеников и сотрудников С. Л. Рубинштейна – К. А. Абульхановой-Славской и А. В. Брушлинского. В них обстоятельно и разносторонне рассматриваются основополагающие категории системы взглядов ученого и всей советской психологии: принцип субъекта и деятельностный подход. Обе статьи удачно дополняют друг друга. Авторы подробно раскрывают черты творчества Рубинштейна, внесшего неопределимый вклад в обоснование логической связи указанных категорий.

Оправданным представляется стремление К. А. Абульхановой проследить в исторической перспективе становление и развитие психологом понятий «субъект» и «субъектность». Шаг за шагом она раскрывает процесс приобщения понятий к марксистской методологии. Мы видим, как преодолевались идеалистические иллюзии, характерные для докторской диссертации ученого, формировалась своеобразная трактовка детерминизма, вырабатывалось понимание субъективного в качестве сущности и специфики психологического.

Можно согласиться с оценкой, данной Абульхановой итогам освоения Рубинштейном марксистских логически сущностных методологических проблем для разработки программы построения советской психологии. «<...> Первую философскую задачу поиска объективного основания гуманитарного знания Рубинштейн решает посредством освоения марксовской концепции социальной детерминации общественных отношений людей. Поэтому для решения второй задачи (речь идет о раскрытии качественного содержания психического и их взаимосвязей. – Я. К.) исходным пунктом становится марксовская концепция деятельности как труда, связанная с общественными характерис-

тиками ее субъекта» (там же, с. 32). Для современных отечественных психологов тезис о единстве сознания и деятельности стал азбучной истиной. Однако к строго отчеканенным выводам Рубинштейн шел далеко не простым путем.

Столь же скрупулезно и глубоко анализируется и другое основополагающее понятие «деятельность» – в статье А. В. Брушлинского. Поскольку многие, а то и большинство психологов апеллируют к деятельности как определяющей фундаментальной психологической категории, удачной представляется попытка охарактеризовать различия в ее толковании в зависимости от тех или иных научных школ. Автор проводит грань между марксистским и идеалистическим пониманием деятельности, в том числе и на примере социологической школы Дюркгейма и Леви-Брюля (там же, с. 70, 74–75). Он аргументированно показывает этапы развития и конкретизации деятельностной теории Рубинштейна в ходе его работы над монографиями «Основы психологии» и «Основы общей психологии». Особенно поучительно сопоставление с позицией школы А. Н. Леонтьева. Убедительно проясняется, в каких аспектах сближаются взгляды Рубинштейна и Леонтьева. Отмечается, что «деятельность», по Рубинштейну, выступает содержательной психолого-философской категорией и не может быть сведена к совокупности поступков, комплексу действий (там же, с. 78–79). Впрочем, в подобном сведении едва ли можно обвинить самого А. Н. Леонтьева. Скорее, это результат усилий его слишком усердных последователей.

А. В. Брушлинский полемизирует с теми, кто важнейшие достижения советской психологии в изучении всей проблематики деятельности видит в создании общей схемы соотношения действительности, действий, операций в их связях с мотивами, целями и условиями. По его мнению, «наиболее существенное состоит в том, что с помощью марксовской категории деятельности впервые удалось глубоко раскрыть неразрывную связь человека с миром и понять психическое как изначально включенное в эту фундаментальную взаимосвязь» (там же). Вместе с тем обращается внимание на то, что Рубинштейн был против гипертрофирования принципа деятельности. Он считал, что всякая психология, которая понимает, что она делает, изучает психику и только психику.

Весьма уместны в сборнике содержательные высказывания ученых о важной роли трудов Сергея Леонидовича в становлении психологической науки в нашей стране. В первую очередь мы имеем в виду воспроизведенное выступление Б. М. Теплова при обсуждении книги «Основы общей психологии», получившей в 1942 году высшую государственную премию. Читатель, следя за тем, как Теплов парировал выдвинутые тогда критические замечания, убеждается в бесспорных достоинствах книги. Извлечения из брошюры Теплова, обобщающей опыт советской психологической науки за тридцатилетний период, дополняют характеристику главного труда Рубинштейна.

Авторы сборника не прошли мимо философских поисков и находок Рубинштейна, который в труде «Человек и мир», по мнению М. С. Кагана, на много лет опередил и предвосхитил новейшие достижения в области общественного знания. С. Л. Рубинштейн в теоретическом плане выдвинул идею «перестройки общества, переделки общественной жизни» как центральную философскую проблему. С его именем также связано «рождение первой в истории советской философии книги, посвященной проблеме человека» (там же, с. 222). В работе «Человек и мир» не просто обосновывается важность проблематики человека, но и развертываются и конкретизируются основные перспективные исследовательские вопросы, в частности, в этических и эстетических аспектах. Здесь выявлена невозможность философского осмысления человеческого бытия вне этико-эстетической проблематики. Каган отмечает в то же время и наличие некоторых пробелов, а именно – отсутствие исследования места и значения культуры в связях человека и мира (с. 228). Вместе с тем к существенным достоинствам обобщающей философской книги Рубинштейна можно отнести системный подход и глобальный взгляд на человека в широком контексте понятия «мир», стремление обосновать марксистскую философскую антропологию (с. 229–230).

Авторы рецензируемой книги единодушны в искреннем стремлении дать объективную оценку творческого наследия ученого, полнее воссоздать его облик как новатора-исследователя. При всем том издание весьма неоднородно. В ряде статей недостаточно глубоко в теоретическом плане осмысливаются высказанные им нетривиальные идеи. Некоторые авторы порой ограничиваются добросовестным изложением отдельных высказываний Рубинштейна, обильным, пространственным цитированием без напрашивающихся комментариев. Разумеется, просветительские публикации имеют определенные задачи, принимая в расчет массового читателя. Однако хотелось бы все-таки ознакомиться с более основательным освещением теоретико-методологического содержания неординарных мыслей крупного деятеля отечественной науки.

В сборнике предпринята попытка выявить многогранный вклад С. Л. Рубинштейна в разработку и освещение многих конкретных проблем различного научно-дисциплинарного профиля: педагогической психологии (И. С. Якиманская), практического мышления (Ю. К. Корнилов), соотношения теоретического и эмпирического мышления (В. В. Давыдов), эмоций и темперамента (А. Е. Ольшанникова), способностей (Т. И. Артемьева) и креативности (Г. С. Батищев). Чувствуется стремление авторов так или иначе, в большей или меньшей степени проецировать соответствующие тексты Рубинштейна на развиваемые ими идеи и взгляды, уловить в его трудах близкие подходы и «концепции». Это свидетельствует, в частности, о том, насколько высок его авторитет среди современных исследователей, о большом запасе теоретической прочности его произведений.

Особый интерес у широкого круга читателей, полагаю, вызвали воспоминания о выдающемся психологе людей, близко знавших его. Раскрывая сугубо личные впечатления и суждения о своем учителе и наставнике, они рисуют образ обаятельного, интеллигентного, в высшей степени доброжелательного человека, с большим тактом и вниманием относившегося к «своим» и «чужим» молодым дебютирующим психологам. Отдельно хочется выделить статью А. И. Розова. В ней рассказ о личных отношениях осуществляется в русле описания некоторых моментов социально-политических условий той поры. Мы чувствуем тревожную, драматическую атмосферу событий в стране на рубеже сороковых и пятидесятих годов, влиявших на творческую и жизненную судьбу ученого.

К сожалению, в сборнике сохраняется традиционный взгляд на труды С. Л. Рубинштейна. Часто оценка его идей основывается на еще до конца не преодоленном, официально-идеологизированном подходе. Думается, сегодня, в условиях признания плюрализма мнений, теоретические установки и воззрения Рубинштейна и его школы можно рассматривать не только в плане их противопоставления зарубежным научным направлениям. Достойное место можно было отвести анализу его концепции в соотношении с психоанализом и когнитивной психологией, социометрией и ценностными аксиологическими идеями.

Используемая сегодня система психологических категорий нуждается в очень серьезном теоретическом переосмыслении. Иначе она не может отразить реальную действительность и стать руководством в практических делах. Да и сама устоявшаяся трактовка некоторых частных вопросов психологии, употребление старой научной терминологии требуют в нынешних условиях более взвешенного, дифференцированного отношения. Скажем, вполне оправданная и все еще актуальная критическая трактовка «поведения» в качестве основополагающего понятия бихевиористской системы взглядов (там же, с. 31) сегодня, несомненно, требует нового прочтения. Длительное игнорирование анализа сущности поведения под данным углом зрения с полным основанием должно быть признано большой ошибкой. Ее, подобно другим, необходимо в срочном порядке исправлять.

Высказанные здесь критические замечания не умаляют научно-познавательной ценности изданного сборника. Просто хотелось подчеркнуть, что данная тема не может быть исчерпана до конца. И думается, многолетний, плодотворный, самоотверженный труд Рубинштейна заслуживает новых прочтений и переосмысления.

ЛИТЕРАТУРА

Сергей Леонидович Рубинштейн: Очерки, воспоминания, материалы. М., 1989.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ С. Л. РУБИНШТЕЙНА В ЗАПАДНЫХ СТРАНАХ

Х. М. Тутунджян

Для большинства западных психологов советская психология – это только наименование, нейтральная зона, неизвестная область знания. Для некоторых из них это всего лишь великое прошлое, связанное с именами И. М. Сеченова, И. П. Павлова и И. М. Бехтерева. Для других она ограничена культурно-исторической школой Л. С. Выготского и трудами его последователей А. Р. Лурии и А. Н. Леонтьева. И даже в конце XX столетия советская психология после более чем семи десятилетий не известна и изучается как психологическое направление и движение с собственной теорией и практикой. Я склоняюсь к осуждению того, что в Западной Европе, и особенно по ту сторону океана, игнорирование европейской психологии и, прежде всего – советской психологии, – не только общая традиция, но также добровольное незнание и периферийное суждение, которое мы наблюдаем даже в книгах психологической историографии и фундаментальных трудах и руководствах по экспериментальной психологии.

Психологическая наука – это не продукт отдельного государства, Европы или Америки, но генерализированный, синтетический результат исторического развития большинства государств и поколений психологов.

В Советском Союзе была целая плеяда ученых, которые создали оригинальную теорию и практику психологии. Среди этих психологов должен быть отмечен Сергей Леонидович Рубинштейн (1889–1960), один из основателей советской психологии. С. Л. Рубинштейн известен на Западе как один из первых лидеров психологии в нашей стране, лидер философского склада ума с огромным знанием не только русской, но также европейской и американской психологии. Он был в то же время философом, подобно У. Джеймсу и Дж. Дьюи, П. Жане и Ж. Пиаже, Ф. Брентано и Х. Хофдинггу, однако в отличие от них он был творческим философом и психологом.